

АШИРА ХААН

ОДНОКЛАСНИКИ
БЫВШИМИ
НЕ БЫВАЮТ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х12

Редактор серии *А. Самофалова*

Оформление серии *Е. Петрова*

Хаан, Ашира.

Х12   Одноклассники бывшими не бывают : роман / Ашира Хаан. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-163430-8

Рита никогда не ходила на встречи выпускников, потому что о школе у нее остались слишком неприятные воспоминания. Она была неудачницей и невидимкой, влюбленной в парня, который все время как привороженный таскался за ней. Повинуясь порыву, Рита решает нацепить на себя маску и недолго побыть роковой стервой, разбивающей сердца бывшим одноклассникам. Она идет на встречу, даже не подозревая, насколько сильно может измениться ее жизнь. Способна ли первая любовь пройти сквозь года и стать только крепче? Или же все это сказки для юных девочек?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Хаан А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163430-8

15 лет выпуска

Мой муж называл встречи бывших одноклассников «ярмаркой тщеславия». Они нужны только для того, чтобы взять реванш за школьные унижения. Доказать всем, как они были неправы!

Троечники демонстрируют «Мерседесы» и дорогие часы. Отличницы хвастаются идеальной фигурой с накачанной попой. Лузеры якобы случайно открывают на телефоне эротические фото красоток. Оторвы рассказывают про успехи своих многочисленных детей. А те, кого дразнили за дешевое пальто, не забывают за всех заплатить.

На встречах одноклассников взрослые ответственные люди вдруг начинают вести себя как семнадцатилетние идиоты. Рассказывают, что алгебра так и не пригодилась за последние пятнадцать лет, закрывают гештальты, высказывая учителям в лицо то, что не решились тогда. И спят со звездами выпускного, не замечая, что мальчик в косухе и с подведенными глазами давно превратился в лысого толстяка с одышкой, а девочка с пухлыми губами и бесконечными ногами год назад родила четвертого, а эти ноги усеяны сосудистыми «звездочками».

Я ни разу не была ни на одной такой встрече, хотя меня упорно приглашали каждый год, включали в группы в соцсетях: «Пять лет нашему выпуску!», «Де-

сять лет нашему выпуску!», «Последний год нашей молодости!».

Про молодость — это когда почти всем исполнялось тридцать. Это приглашение я удалила с особенным удовольствием.

Мне было некому ничего доказывать и нечего завершать. Мои одноклассники — чужие люди, с которыми никогда не было ничего общего.

Школа запомнилась мне как бесконечно тоскливое и неприятное время: по нему я не скучала вообще ни разу в жизни.

Все школьные годы я была неудачницей. Училась с тройки на четверку, потому что даже самые интересные предметы наши учителя умудрялись преподавать так, что мухи дохли на лету. Мою любимую историю вообще отменили на несколько лет. Талантов у меня никаких не было, поэтому взрослым я была не особенно интересна.

Мальчики не обращали на меня внимания из-за очков и длинной «бабушкиной» юбки, в которой я проходила все старшие классы. Девчонки издевались и презирали, потому что моя семья была небогатой и не могла отправлять меня в заграничные поездки со всеми. У меня так и не появилось близкой подруги. Даже влюбиться я умудрилась в парня, которого все дразнили за длинные волосы до плеч и заикание. Да и тот таскался за другой и на выпускной подарил ей букет из сотни красных роз.

Тогда я поставила жирную точку на попытках найти что-то общее с бывшими уже одноклассниками и с радостью забыла о них.

Когда я нашла в своем почтовом ящике приглашение, первым порывом было выкинуть его в мусор. Остановило меня только то, что напечатано оно бы-

ло золотым тиснением на бархатистой на ощупь белоснежной бумаге. Раньше-то присылали на электронную почту и не парились. Что вдруг изменилось?

Оказывается, вместе с нашим пятнадцатилетием выпуска родная школа празднует юбилей! Поэтому зовут всех-всех-всех, обещают красочное шоу, танцы, бесплатный бар с закусками и «уютные уголки для встреч со старыми друзьями».

Даже когда у меня в жизни все было хорошо, я не рвалась никому ничего доказывать и хвастаться высокооплачиваемой работой, красавцем мужем и каникулами за границей четыре раза в год. А сейчас, когда я могу послужить только удобным фоном для самоутверждения, мне тем более нечего там делать.

Они будут задавать провокационные вопросы и со смехом переглядываться: Кондратьева, как всегда, все просрала!

Только этого мне не хватало. Я только-только перестала плакать после развода и потери работы.

Не пойду.

Но приглашение выбрасывать не стала.

На следующий день я все еще была уверена, что никуда не пойду.

И еще через день.

И даже через неделю.

Но за четыре часа до назначенного времени я каким-то неведомым образом очутилась сидящей в кресле стилиста в ближайшем салоне красоты. Вокруг меня танцевал их лучший парикмахер, ногти на руках подпиливали сразу две маникюрши, расположившиеся с двух сторон, ступни отмокали в ножной ванночке с подогревом, а за спиной туда-сюда как тигрица металась, нахлестывая бока хвостом, хозяйка салона, пожилая армянка с сигаретой в длинном мундштуке:

— Мы из тебя такую конфетку сделаем! Хоть на «Евровидение» иди и пой!

— Я не умею петь!

— Это не важно! Пусть хоть повесятся и сожрут свои тапочки от зависти! Звезда будешь, я отвечаю!

* * *

Печально то, что на всю эту роскошь у меня не было денег. Совсем.

После того как спустя двенадцать лет брака муж бросил меня и ушел к женщине, уже родившей от него ребенка, я не могла работать. Сначала еще приходила в офис, но сидела, глядя мимо монитора в пустую серую стену. Потом перестала даже выходить из дома. Конечно, меня уволили. Никто бы не стал терпеть.

Бывший супруг из чувства вины подкидывал мне денег на квартплату и дешевые макароны, но это длилось недолго. Его малышке понадобилось лечение, потом реабилитация, потом еще что-то, а потом благотворительные порывы как-то и вовсе забылись и мне пришлось выкарабкиваться самой.

Работать головой я все еще не могла, начиная рыдать, стоило вспомнить о муже. Ногами тоже не получалось: попробовала курьером, но иногда в метро накаtywала тошнотворная слабость, и я опаздывала везде, где можно. Зато руками — вышло! Я научилась делать украшения из стеклянных бусин и камней, и оказалось, что они нравятся людям. Работа собачья, наглости задираТЬ цены во мне маловато, но я хотя бы перестала бояться умереть с голоду.

Прическа и маникюр в этом салоне в мой бюджет не вписывались от слова «совсем». Но во всех осталь-

ных не было мест, а идти в родную школу с отросшими сантиметров на пять корнями было совсем неприлично. Сюда я забежала просто для очистки совести. Надо было доказать себе, что я сделала, что могла, и безумная моя авантюра — абсолютная глупость. Но случайно оказавшаяся в зале хозяйка Раиса вдруг начала меня пытаться, зачем мне так срочно нужны сразу и прическа, и маникюр, и вечерний макияж.

Я блеяла что-то про приглашение на свадьбу лучшей подруги, но проницательную женщину было не обмануть.

— Не ври! — отрезала она. — Свадьбы обычно с утра, и к ним заранее готовятся. Да у тебя и платья, вижу, нет. К чему мы тебе макияж будем делать? Давай, признавайся!

— У меня свидание с мужчиной мечты! — тут же смеялась я версию.

Говорить правду было отчего-то стыдно. Так суетиться из-за ерунды... Подумают, что ничего более значительного в моей жизни не бывает.

— Такие как ты на свидание берут только задорную улыбку и ворох историй, — покачала головой Раиса. — И мужчина мечты потом не может вспомнить не только то, была ли у тебя прическа, а даже была ли у тебя голова! Ну? Признаешься — найду тебе мастера. А то и сама возьмусь, нравишься ты мне!

Не имею ни малейшего представления, чем я могла понравиться стокилограммовой энергичной и громкой женщине, непрерывно курящей вопреки всем нормам прямо в помещении и громовым голосом шпыняющей худеньких бледных работниц салона «Парижский шик». Сомневаюсь, что в Париже все малиновое и в сверкающих стразах, включая ногти владелицы, но кто я такая, чтобы с ней спорить?

Я опустила глаза, сжалась от стыда и тихо-тихо про-
блеяла про юбилей выпуска.

И тут она прямо взвилась!

Боевые вертолеты вылетели на позиции, подводные
лодки погрузились на дно, а линкоры нацелили орудия!

— Девочки! — прогремело на весь зал. — Подъем!
Чрезвычайная ситуация! Мобилизуем все силы! Ра-
хиль, Маша, на ногти! Одна взяла левую руку, другая —
правую! Все, чем заняты, передайте Леночке!

— Но Леночка делает хуже! — возмутилась клиент-
ка, которой успели расписать цветами ногти только
на одной руке.

— У женщины встреча одноклассников! Весь мир по-
дождет! — отрезала Раиса. — На свадьбу никого так не
крашу, как тебя крашу, звезда моя! Где Ангел? Куда
запропастился этот любитель... Ах вот ты где!

* * *

Я уж было решила, что она немножко двинулась го-
ловой, раз призывает ангелов небесных, но тут появил-
ся немного манерный и очень красивый мальчик — как
выяснилось, болгарин, которого действительно звали
Ангел. Вполне обычное там имя, как у нас Любовь.

Он был приставлен к моей голове, и я глазом не
успела моргнуть, как меня начали стричь и красить,
причем практически одновременно. Пальцы у него
были невероятно ловкие и нежные, и про мои воло-
сы он через пять минут знал больше, чем я узнала за
всю жизнь.

Когда освободилась Леночка, кое-как, в авангард-
ной манере, дорисовавшая клиентке ногти, она по соб-
ственной инициативе взялась за педикюр. Напомнив
нам между делом, что Фрекен Бок была права: в жен-

щине в ответственные моменты все должно быть безупречно. Даже то, что на первый взгляд не видно.

— Платье есть? — сурово спросила Раиса.

Она нервничала чуть ли не больше меня. Курила одну за другой, ловко выщелкивая окурки из мундштука и вставляя новые темные, терпко пахнущие вишней сигареты. Вентиляция в салоне была прекрасная — дым мгновенно всасывался где-то наверху вместе с запахами лаков, пылью от спиленных ногтей и прочей малярно-штукатурной взвесью.

Я помотала головой. Планировала влезть в свои самые узкие джинсы и надеть под полупрозрачную блузку кружевной лифчик, который держала только для постели. Грудь он поднимал божественно, но за это приходилось платить ощущением туго затянутой сбруи.

Но Раиса не дала.

Первую же освободившуюся работницу она послала в шоурум вечерних нарядов, где работала двоюродная сестра ее третьего зятя, которая после краткой беседы по телефону пообещала прислать самые лучшие платья вместе с VIP-картой на скидку. Встреча одноклассников — святое!

Даже со скидкой я не могла их себе позволить. Если визит в салон опустошал мой бюджет на развлечения на полгода вперед, то платье грозило лишить отпуска и посадить на гречку на год.

— Не жадничай! — нахмурилась Раиса. — Ты этот день будешь вспоминать дольше, чем свадьбу вспоминала! Ты себя будешь такой звездой чувствовать, что и на работе дадут повышение и премию!

Увы, на моей работе мне никто ничего не даст. Но я сдалась. В конце концов, заодно и похудею на той гречке, сплошные плюсы. И ткнула пальцем в облегачее платье выше колен, которое умело ловко спадать

с одного плеча. Оно было короче того, что стоило бы носить женщине тридцати с лишним лет, однако на то и был расчет! Ноги у меня всегда были стройные, но в школе я ходила в длинных юбках и планировала теперь шокировать своих дорогих одноклассников зрелищем того, что они упустили в юности.

Как и обещала, Раиса лично взялась за мой макияж и потратила на него времени столько же, сколько ушло на весь остальной тюнинг.

И вот я стояла перед зеркалом в полный рост и не могла поверить своим глазам.

Меня и правда превратили в звезду.

Вопреки подспудно еще теплящимся страхам, что сейчас мне нарисуют «парижский шик» со стразиками, я выглядела по-настоящему стильно и элегантно. Я была похожа на себя... только лучше. Намного лучше.

Словно я стала совсем другой. Улучшенной версией себя, как на картинке в «Инстаграме» со всеми фильтрами и улучшениями.

Только настоящей.

Глядя в свои сияющие глаза, которым умелая рука Раисы добавила пикантной стервозинки, я решила, что вполне могу обмануть своих одноклассников. Показать, что я не такая, как на самом деле.

Не разведенка, а независимая женщина, меняющая поклонников как перчатки.

Не пустоцвет и неудачница, а чайлдфри, блистательная эгоистка, сознательно решившая посвятить свою жизнь только удовольствиям.

Не рукодельница, с трудом наскребающая на квартплату, а творческая личность, мастер с уникальными авторскими техниками.

Ведь все зависит лишь от точки зрения.

Могу я хотя бы на один вечер притвориться, что моя жизнь не полный провал?

Хотя бы на один день взмахом руки превратить свою тыкву в карету, мышей в лошадей, а крыс в кучеров?

* * *

Я живу недалеко от своей бывшей школы. Буквально пять минут быстрым шагом. Десять — если нога за ногу, останавливаясь у каждого дерева, говоря «Кис-кис!» каждому коту и мечтательно глядя в небеса. Если очень-очень-очень постараться, то можно засмотреться на двух дерущихся жуков-пожарников или на стаю птиц, улетающих на юг, и опоздать к первому уроку. Но получалось у меня редко. Тем, кому надо было ехать в школу на автобусе, везло больше.

Но как будто мне мало было десяти лет заключения в казенном доме, всю свою жизнь утром первого сентября я просыпаюсь под «Учат в школе, учат в школе, учат в школе», двадцать пятого мая — под «Когда уйдем со школьного двора», а в конце июня и вовсе не сплю всю ночь под ритмы дискотеки и пьяные крики выпускников. Наверное, потому я и не испытываю ностальгии по чудесным школьным годам и не плачу, когда вижу выпускниц в советской школьной форме из секс-шопа.

Так что добираться мне недолго, и перед своим бенефисом я еще успела забежать домой, чтобы найти подходящие туфли, сумку и побрызгаться любимыми духами Angel, которые в первый раз купила как раз пятнадцать лет назад, на выпускной. Ванильное печенье, шоколад, карамель, сахарная вата — запах сладкий, как моя выдуманная на этот вечер жизнь.

Время уже подходило, но явиться раньше всех было бы провалом. Поэтому я гипнотизировала часы и ме-

талась по квартире, не зная, чем заняться. С удовольствием бы сожрала что-нибудь на нервах, но боялась испортить Раисин шедевр мейкапа: губы ей особенно удались. Я и не знала, что они у меня такие сочно-глянцевые как отравленное яблоко в «Белоснежке». Хотелось часами на них любоваться, а лучше — пойти в таком виде повидать героев всех самых моих неудачных свиданий и показать им, что они упустили. Бывшему мужу тоже похвастаться, чтобы не думал, что я тут без него себя похоронила.

Ладно, специально для него сделаю селфи и выложу в «Фейсбук».

Чтобы убить время, я откопала в шкафу выпускной альбом. Много лет уже его не открывала, поэтому очень удивилась, когда поняла, что из всего выпускного класса в пятьдесят человек могу назвать по именам не больше десятка. И то — с трудом. Лучше всех помню тех, с кем зафрендилась в соцсетях, а остальные...

Я достала общее фото, на котором мы все такие дети с испуганными глазами, хотя казались друг другу взрослыми людьми, перевернула — а там одинокая надпись: «11-й класс, 730-я школа». И все. Думала, что вряд ли я забуду тех, с которыми провела десять лет вместе. А теперь шурилась на все эти полужнакомые лица и как будто Альцгеймером пришибло. Хотя в этом случае я, наоборот, должна лучше помнить, что было пятнадцать лет назад.

Вот, например, Оля. Что Оля — помню, а фамилию уже нет. Моя бабушка эту Олю очень любила и все время ставила мне в пример: какая она аккуратная, какая у нее прическа красивая, не то что мои лохмы. И на переменах не носится, а стоит у стеночки как хорошая девочка.

Хорошая девочка Оля в выпускном классе оказалась беременна и сдавала экзамены на восьмом месяце. Но это помогло от нравочений только на год! Стоило мне окончить школу, как бабушка начала по новой: какая Олечка хорошая жена и мать, какая у нее доченька красивая, а ты когда замуж?

Даже потом, когда я забеременела и вышла замуж, Олечка оставалась светлой путеводной звездой.

Потом, конечно, бабушка примолкла из-за всего, что со мной случилось. Но я часто видела, как после новости о том, что Олечка родила третьего ребенка от третьего — самого успешного! — мужа, ей хотелось завести старую пластинку.

Но это уже слишком грустная история, а мне пора в школу!

Сама засмеялась. Пятнадцать лет не говорила эту фразу.

Хорошо все-таки, что идти недалеко. Если будет совсем печально, всегда можно сбежать домой. И сидеть тут красивой в платье стоимостью в отпуск и с шедевальным макияжем. Нет уж! Отступать некуда!

Школа была ярко освещена, железные ворота на входе увиты гирляндами искусственных цветов, словно на гавайской свадьбе, над дверьми сияли неоновые буквы: «Добро пожаловать, выпускники!» — и стелилась прямо к порогу красная ковровая дорожка.

Я прошла по ней, гордо выпрямив спину. Звезда я или нет, в конце концов!

Открыла дверь... и застыла столбом. Зато мое сердце сначала подпрыгнуло к горлу, потом камнем рухнуло в желудок, метнулось в пятки и, еще пять-шесть раз сменив местонахождение, наконец вернулось в клетку в груди, но и там отказалось нормально биться, сжавшись от чувств, которые я считала давно забытыми.